

18+
Эна Трамп

Беспризорница Юна и морские рыбы

Книга 1. Начало

Эна Трамп
Беспризорница Юна
и морские рыбы.
Книга 1. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66381520
ISBN 9785005534040

Аннотация

Это история о том, что дорога в 1000 ли начинается с одного маленького шажка. А еще о дружбе и о том, которого все ждут.

Содержание

Часть 1. ВСТУПЛЕНИЕ	5
1. Черная кошка, бегущая по дороге	5
2. Королева Яблочного Замка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Беспризорница Юна и морские рыбы Книга 1. Начало

Эна Трамп

© Эна Трамп, 2021

ISBN 978-5-0055-3404-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0055-3405-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. ВСТУПЛЕНИЕ

1. Черная кошка, бегущая по дороге

В некотором царстве, в некотором государстве был один город. Город как город, не самый большой, но и не самый маленький, не старый, но и не только что построенный – с асфальтовыми дорогами и фонарями, с машинами и двенадцатизэтажными домами, с полицейскими и школами. Все школы были похожи друг на друга, поэтому совершенно неважно, в какой из них училась беспризорница Юна.

Беспризорнице Юне лет было тринадцать или четырнадцать, и она была самая настоящая беспризорница. Это вовсе не означает, что у нее не было мамы и папы, вовсе нет: у нее была мама, и это была самая настоящая мама, которая умела вкусно готовить и ругала Юну за двойки и плохое поведение, да и папа у нее тоже где-то был. Несмотря на это, Юна была самой настоящей беспризорницей, так говорили все учителя, и директриса, и полицейские, которым Юна нет-нет, да и попадалась, и даже некоторые одноклассники: «Форменная беспризорница!» Думаешь, Юна обижалась на это или как-нибудь страдала – нет, нисколько! Если кто и страдал, так это ее мама, которая, конечно, хотела, чтобы у нее была нормальная дочка, а не какая-то там беспри-

зорница, ну, а саму Юну такое положение дел вполне устраивало, и она даже гордилась этим своим вторым именем. Да, но пора уже рассказать про Юну еще что-нибудь, кроме того, что она беспризорница. У Юны были хитрые зеленые глаза и большие уши, любимое ее слово было «зыканско!», она умела пронзительно свистеть в два пальца (как ни странно, этому ее научила ее мама – на свою голову), а также лазить по деревьям и драться. Она была похожа на мальчишку, да она и считала себя мальчишкой, и стриглась всегда коротко, а если кто-нибудь напоминал ей, что она же все-таки девочка, очень обижалась и лезла сразу драться. Все мальчишки из ее класса боялись Юну и уважали ее; Юна же относилась к ним свысока, полагая, что она главнее; так оно и было, потому что все безобразия в классе и школе начинались с нее; с девочками же беспризорница Юна вообще никогда не имела дел, считая их плаксами, ябедами и дурами.

Любимое время года у беспризорницы Юны было, конечно же, лето, во-первых, потому, что летом нет этой дурацкой школы, во-вторых, вообще зыканско: можно влезть на парапет речки с гранитными берегами и на виду у прохожих плюхнуться в воду прямо в одежде, а когда соберется толпа, и все будут шуметь и звать полицию и скорую помощь, тихонько вынырнуть под мостом, незаметно выбраться на берег и уйти, насвистывая; можно еще пойти на базар, где торгуют фруктами, и напробоваться всякого до того, что язык заболит; а можно, например, не пойти ночевать домой, а, по-

кружив по городу, найти старый полуразрушенный дом с забитыми окнами – мечта всех беспризорниц! – и обследовать его сверху донизу, пугая кошек и крыс, а потом улечься спать на каком-нибудь позабытом матрасе – лето же, тепло! Жаль только, что в этом городе осталось мало старых полуразрушенных домов, а, наверно, должны быть такие города, которые целиком состоят из этих домов – вот туда бы как-нибудь! И вот бы еще... вот бы еще за летом шло лето, а за летом – опять лето!.. Вот бы!

И, однако, за летом шла осень, как ей и полагается, сначала золотая, потом золота становилось все меньше, а дождей все больше, а школа каждое утро ждала на своем месте, как злая собака, от которой никому нет прохода. Но беспризорница Юна прекрасно знала, что проход есть, и частенько проходила мимо, посмеиваясь и показывая язык, – эта злая собака сидела на своей цепи и никак не могла ее достать, ха. Зато потом, вечером, приходилось честно таращить глаза, доказывая маме, что вовсе нет, вовсе я сегодня и не уходила с уроков (и держать на всякий случай фигу в кармане), и в конце концов, обидевшись на такое недоверие, запереться в своей комнате и сидеть там, и извести многие коробки спичек, учась зажигать их об стену, и все время поглядывать в окно, на голые ветки, качаемые ветром, а дальше – черная дорога, застывшая в фонарях.

Чирк, чирк! Одна из трех спичек зажигалась обязательно, и, подержав ее за головку, пока она не догорит до самого кон-

да и не погаснет, Юна бросала ее и засовывала палец в рот, и грызла ноготь, и смотрела в окно. Перед домом Юны стоял еще один дом, и из-за этого дома выходила дорога – черная дорога, и свет фонарей, отражающийся в асфальте, подрагивал под дождем. Беспризорница Юна вставала на стол и высовывала голову в форточку, под дождь. Выбежав из-за дома, дорога сворачивала легко, плавно и круто, и сияли над ней фонари, как елочная гирлянда... БАМС!

Это глаза беспризорницы Юны врезались в дальний дом, за который уносилась дорога, за который так же легко она сворачивала, а что там, что там? Дорога исчезала за дальним домом так же легко, как и появлялась из-за ближнего, оставив с носом беспризорницу Юну.

Да ну тебя, фыркала Юна, осторожно высовывая голову из окна и оказываясь опять дома, где за дверью ее комнаты ходила и ворчала мама, а на столе лежал коробок спичек, наполовину спаленных.

Что ж, разве не знала она, куда эта дорога ведет? Знала, и ходила... днем: мимо школы (не той, в которой училась Юна, но точно такой же), а дальше – прачечная, а еще дальше – новый район с большими домами, там дорога входила в широкий проспект, по которому ездили троллейбусы, – ну не дура ли ты, беспризорница Юна? Так думала Юна, глядя на редкую машину, которая проезжала по дороге и исчезала за углом дальнего дома, а в час над дорогой вдруг гасли все фонари – спокойной ночи!

Нет.

Было около двенадцати ночи, или, как говорят в телефоне, «двадцать три часа сорок девять минут», и было тихо, потому что мама уже улеглась спать. Беспризорница Юна сидела на столе, рассматривала свои обгрызенные ногти и тихонько напевала песенку, которую она придумала прошлой весной.

Это была такая песенка:

Собак выпускают в дверь.
Собак выпускают в дверь.
Собак выпускают, собак выпускают,
Собак выпускают в дверь.
А птиц выпускают в окно,
А птиц выпускают в окно,
А птиц, а птиц, а птиц, а птиц,
А птиц выпускают в окно!..

Спев песенку, беспризорница Юна немного помолчала, и потом сказала:

– Нет.

Хорошо разговаривать самому с собой – всегда понятно, что имел в виду. Нет ни собак, ни птиц, некого выпускать, да и до весны еще столько, что можно состариться, – вот о чем думала беспризорница Юна, вот что она сказала сама себе, произнеся всего одно слово. Но не только это. Да, не только это сказала себе Юна, а что же еще?

Она соскочила со стола.

В прихожей было слышно, как храпит мама – она уже точно спала. Юна открыла шкаф, и шкаф скрипнул. Юна замерла, но потом решительно вытащила из-под груды обуви свои старые и любимые кеды, и стала поспешно надевать их, – мама могла проснуться, открыть дверь в коридор и спросить Юну: «Ты куда?» Что могла бы ответить ей Юна, если она боялась ответить на этот вопрос даже самой себе? Только – «Никуда», и снять кеды, и войти в свою комнату, и лечь спать.

Дверь все-таки щелкнула, и Юна, как ошпаренная, сбежала по лестнице и, оказавшись на улице, еще немного пробежала, но никто и не думал за ней гнаться, никого не было вокруг, все уже легли спать, и только она одна. Темно и тихо было на улице, дождя не было, но асфальт был мокрым, и воздух, который Юна, остановившись, глубоко вдохнула несколько раз, пахнул дождем. Юна постояла с минуту, всматриваясь и вслушиваясь, и потом пошла: легко и бесшумно, собранно и напряженно, руки согнуты в локтях, кеды неслышно прикасаются к асфальту. Что-то дрожало у нее внутри, как будто струна, или, может, парус. Она обогнула дом и остановилась. Дорога лежала прямо перед ней. Эта дорога, с этими фонарями – так близко.

Вдруг послышались голоса. В ту же секунду Юна оказалась в кустах. Она следила сквозь ветки. Какие-то запоздалые дяденьки шли к себе домой, громко разговаривая. Она не заметила Юну, а Юна следила за ними, пока они не зашли

за дома. Вот и всё, теперь было можно, но Юна медлила. Та беспризорница Юна, которую знали все, в том числе и она, никогда бы не стала так поступать – прятаться по кустам от каких-то там дяденек.

– Зыканско, – пробормотала Юна удивленно. – Кажется, я уже не я. Но тогда меня не должно быть – а я – вот. А тогда – кто я?

Но никто ей не ответил – никого же не было вокруг, и Юна бесшумно выбралась из кустов и подошла прямо к дороге, поминутно оглядываясь. Остановившись перед ней, Юна задрала голову и посмотрела на фонари вверху, затем посмотрела на асфальт и решительно шагнула, и, не задумываясь больше и не останавливаясь, пошла вперед, нет, не пошла, а побежала, и опять нет! Это был не шаг и не бег – а как же тогда?..

А вот так!!! Дорога мчалась под ноги, фонари мелькали над головой, ветер дул в лицо, – было так легко и свободно, как будто дорога летела сама, а она была вовсе ни при чем, как будто раз плюнуть было – побежать по этой дороге, почему только она не сделала этого раньше? Отпустить свои ноги, четыре мягкие лапы, отпустить их мелькать по послушному асфальту, хвост по ветру, и теперь понятно, кто ты такая: ты кошка! Черная кошка, бегущая по дороге, – не вздумайте перейти ей путь! И нет никакой прачечной, никакого проспекта с троллейбусами, а разве она не знала этого всегда? – только дорога, только фонари и только вперед, – это

ли не счастье?..

И вот она бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, и мимолетом отметила, что фонарей уже нет, но разве дело в фонарях, дорога ведь продолжается; и она бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, но вот кончился асфальт, и это было очень странно, как будто волна набежала на берег, да так и осталась лежать, но все-таки дорога продолжалась, дорога была теперь песчаной, и она бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, —

А впереди вставал черный-черный лес. И дорога, превратившаяся в узенькую тропинку, ныряла прямо в него.

– Тормози, – скомандовала Юна своим ногам, глядя вперед, на неуклонно приближающуюся стену леса. Но не так-то просто тормозить, если так долго, не знаю сколько, бежала и бежала, вперед и вперед.

– Стой! – крикнула она себе уже испуганно. – Это же совсем не та доро...

В следующую секунду лес поглотил ее.

2. Королева Яблочного Замка

Тропинка вильнула из-под ног и пропала.

Ветви сплетались высоко вверху, не пропуская неба. Там, высоко вверху, они переговаривались о чем-то непонятном. Тихим и грозным гулом.

Было очень темно. И очень страшно.

Останавливаться поздно. Шаг. Еще шаг. Это муравейник. Нет, в муравейник совсем не надо идти. Где же ты, тропиночка? По тропинке можно обратно. Где оно теперь, это обратно? Кажется, вон там. Или нет?.. Так темно, ничего не разобрать.

А они шумят, высоко над головой. Если прислушаться, можно разобрать слова. Они смеются, смех пересыпается с ветки на ветку, с дерева на дерево, по всему лесу. И возвращается назад.

Обратно – она говорит: обратно! – разве можно обратно – разве река течет обратно – разве дерево растет обратно – она хочет, чтобы солнце село на восходе – она хочет родиться обратно – обратно... обратно.

Нет, лучше их не слушать. Тем более, что это только кажется. Надо идти. Куда-нибудь выйти. Хоть куда-нибудь...

И вдруг!..

Юна не успела понять, даже подумать не успела, но ноги успели! она рванула в какие-то кусты, а что-то камнем об-

рушилось за ее спиной, и хлопанье крыльев, и злобное уханье; и она, уже не видя ровно ничего, продиралась сквозь какие-то колючие ветки, бросалась из стороны в сторону; она неслась быстрее стрелы, быстрее даже, чем по дороге, хотя какая уж тут стрела, и какая уж тут дорога, – убежать, убежать, ноги-ноженьки, выносите... ну, пожалуйста!..

Почти задохнувшись, она выскочила куда-то и упала, и зажмурилась.

И, когда долго ничего не случилось, медленно начала разжмуриваться.

Прямо над ней было такое... что она тут же зажмурилась назад. Впрочем, это была собачья морда. А она была уже не кошка. Поняв это, беспризорница Юна открыла глаза окончательно. И села.

Перед ней стоял большой черный пёс и внимательно смотрел на нее. Вокруг были деревья. Но это были не лесные деревья. Их ветви пропускали небо. На небе было несколько звезд. Дальше стоял большой деревянный дом. Все это Юна увидела сразу, хотя смотрела на пса. Пёс тоже смотрел на нее, потом он повернулся к дому и несколько раз гавкнул. И снова повернулся к ней. Юна не испугалась. Просто ей стало немного неприятно.

– Ты чего, – сказала она. – Думаешь, я воровать яблоки пришла? Очень надо, если я захочу, мне мама купит! Я нечаянно... я по дороге... а там, – она тыкнула пальцем в сторону, – с крыльями, страшное, у-у! – Она показала, какое. – В

общем, я заблудилась, а вовсе не воровать пришла. Понял?

Пес еще раз гавкнул. В доме открылась дверь. Юна вскочила. Она знала, что нельзя убегать от собак, тогда они могут укусить. Поэтому она просто стояла, настороженно глядя на приближающегося человека с факелом.

Человек подошел. Он был рыжий и бородатый.

– Привет, – сказал он, посветив на Юну факелом.

– Привет, – ответила Юна настороженно, щурясь от яркого света.

– Поздновато ты явилась, – сказал человек.

– А?.. – спросила Юна.

– Я говорю, время позднее, – пояснил человек с рыжей бородой, кивая на звезды. – Все почти уже спят. Картошка, правда, осталась... но холодная. Будешь холодную?

– Ага, – сказала Юна, поняв, что ее за кого-то принимают, и мгновенно решивши не раскалываться почему зря. – Буду.

– Ну пошли, – сказал человек.

Юна пошла вслед за ним.

Они вошли в дом. «Сними обувь», – сказал человек, и Юна послушно стащила кеды, – что если ее ни за кого не принимают, а просто заманили?!.. Между тем они прошли через несколько темных комнат, повернули, потом еще повернули. И вдруг вышли в большой зал. «Садись, – сказал рыжебородый, – я сейчас принесу еду». В зале было темно, хотя и не совсем – в углу стояла печка, а перед печкой сидела женщина, спиной к Юне. Она сидела прямо на полу и смот-

рела в открытую дверцу печи. Юна тоже села на пол, потому что стульев в зале не было. Не было – и всё тут! Правда, на полу оказался ковер, мягкий и теплый, и Юна, поёрзав у стены, устроилась достаточно удобно. Рыжего все не было, и Юна сидела молча и осматривалась. Глаза ее уже почти совсем привыкли к темноте.

Вокруг не было ничего, что можно было бы схватить и бросить, если ее вдруг захотят... Только поленья, – но там сидела эта тетка: она даже не повернулась к Юне, ни разу! Зато было много окон, и одно, в том конце, где печка, было открыто, – увидев это, Юна сразу успокоилась. Теперь ее стали занимать другие мысли: в открытое окно торчали ветки какого-то дерева, – интересно, а как оно закрывается?.. В открытое окно ворвался порыв ветра, прошелестев листьями и заставив поежиться беспризорницу Юну. Женщина у печки пошевелилась и бросила в нее полено, и снова замерла неподвижно. Юна шмыгнула носом и устроилась поудобнее, обхватив колени руками. А может, про нее просто забыли? Этот, рыжий?.. Она стала смотреть на волосы этой тетки у печки, которые были такие длинные (черные), что, пробежав по всей спине, спускались на пол. Но потом ей это надоело, и она перевела взгляд на что-то черное, стоящее посреди зала – а стульев в зале не было; но это, похоже, был стул, если только не этажерка, но только кто же, какой дурак, захочет торчать посреди зала, у всех на виду, где на него можно с любой стороны... уж всяко не Юна. Зевнув, она потянулась бы-

ло пальцем ко рту, но некстати вспомнила, что грызть ногти неприлично! Поборовшись с собой, Юна вдруг разозлилась и засунула в рот аж все пальцы разом, – но за это время желание погрызть их начисто исчезло. Как-то так вдруг оказалось, что она очень устала, даже глаза закрывались. Потом она услышала музыку.

Музыка эта была очень странная, может и не музыка вообще. Может, это пела какая-то птица, только это была сказочная птица. Белая птица? Да, белая птица! Юне вдруг стало всё понятно, про что эта музыка: про всё на свете! И она была там, беспризорница Юна тоже, она бежала по дороге, превратившись в черную кошку! Юне вдруг стало стыдно, аж жарко, она-то думала – никто ее не видит! Разве стала бы она нестись, сломя голову, если б знала, что за ней наблюдают? Нетушки, она бы остановилась, как вкопанная, или вообще пошла бы домой! Ну, вот еще! – рассердилась вдруг музыка. Глупая беспризорница, ничего не знаешь, с тобой еще разговаривать – спи давай. Ты что ли знаешь, огрызнулась Юна, так, для порядка: ведь и вправду она уже проваливалась в сон, так хорошо и спокойно... Ничего я больше тебе не скажу, отрезала музыка. Нет, взмолилась Юна последним усилием, ну скажи!..

Вошел человек с рыжей бородой, в одной руке он держал факел, а в другой – тарелку с картошкой.

– Я все-таки подогрел... – начал он, но увидел, что Юна спит. Тогда он поставил картошку на пол, а факел сунул в

специальную такую штуку на стене. Теперь, если бы Юна не спала, она могла бы рассмотреть этот черный предмет посреди зала, только теперь он не был черным. Он горел миллионом глубоких зеленых огней, и это был трон. Но Юна спала. Рыжебородый поднял ее на руки. Юна что-то пробормотала.

– Что? – спросил рыжебородый. – Что ты хочешь узнать?

Юна открыла глаза и некоторое время молча смотрела на него.

Взгляд ее упал на окно, из которого торчали ветки дерева. – А... – сказала Юна хрипло, – ...как оно закрывается?

– Оно не закрывается, – сказал рыжебородый.

Юна проснулась.

Она вынырнула на поверхность. Она где-то плутала, в каких-то глубоких водах, кошкой... или мышкой? Может, селедкой? Но тут ее стало звать: просыпайся, просыпайся! – болтая ногами и помогая руками она стала поспешно всплывать на этот зов, и – раз! – вынырнула: несколько секунд все было мутное, и вдруг приобрело четкость.

Она лежала на кровати в маленькой комнатке. Сквозь ветки дерева в окно пробивалось солнце. И кто-то на нее смотрел. Не в окно (это она в окно), а откуда-то сбоку.

Юна притворно потянулась и зевнула, – и вдруг резко повернулась в ту сторону, к двери.

Дверь захлопнулась. Но потом там, видимо, поняли, что проиграли. Дверь отворилась и в комнату вошла девчонка.

Подойдя к кровати, она остановилась и стала бесцеремонно разглядывать Юну.

Девчонка была настоящая красавица. К тому же она сама об этом явно знала. У нее были длинные темные волосы, распущенные по плечам, цветом как каштан, а вместо одежды на ней была занавеска с окна, хитроумно закрученная и схваченная черным широким кожаным поясом, а на груди заколотая большой брошкой. Больше всего на свете Юна не любила таких девчонок.

Девчонка смотрела на нее в упор черными блестящими глазами. Потом она сказала:

– Я королева.

– ...Да? – спросила Юна язвительно. – А я – самурай, переодетый в вора.

Девчонке это не понравилось, она дернула головой. Она сказала:

– Чёрта с два! Чёрта с два, – повторила она с удовольствием, – ты не самурай. А я – королева. Повелительница всех изумрудов мира, королева Яблочного Замка Санта Первая!

– Фу-ты ну-ты, – сказала Юна, садясь на кровати. – Нацепила занавеску и воображает! Видали мы таких королев знаешь где в белых тапочках? Щас дам по башке, так уедешь на горшке!..

Девчонка наконец обиделась. Она сказала противным взрослым голосом:

– Нельзя ли повежливее? Ты у меня в гостях, во-первых!

– Фигос под нос, – отрезала Юна. – Я тебя и знать не знаю! И в гости я не просилась, я просто себе бежала, а этот, – она покрутила рукой у лица, – с бородой, это он меня сюда затащил. А никакие и не гости.

– Юрис Рыжебородый, – сказала девчонка важно. – Он доложил нам поутру о появлении нового человека нынешней ночью, и мы прибыли сюда самолично убедиться в этом, а также пригласить ГОСТЯ к завтраку, это великая честь, дура!.. Как, ты сказала, тебя зовут?

– Я никак не сказала, – сказала Юна, – а за дуру...

Девчонка расхохоталась и выбежала за дверь. Но тотчас дверь открылась снова, девчонка всунула голову в комнату:

– Да, и перед тем, как спускаться вниз, не забудь открыть окно, пусть ветер здесь подметет! – Дверь захлопнулась. Юна слышала, как девчонка сбегает вниз по лестнице. Слышно было еще, что внизу тоже есть люди, они ходили и разговаривали. Похоже, здесь было полно народу. Юна еще посидела на кровати, ожесточенно грызя все ногти на правой руке сразу – она вспомнила, что вчера не успела этого сделать. Пионерский лагерь какой-нибудь. Однажды Юна была в пионерском лагере, правда, всего три дня, потом ее выгнали. Но в пионерском лагере никто бы ей не дал спать сколько хочешь, и потом, лагерь – это летом, а сейчас осень. Ну тогда... еще что-нибудь. Хорошо бы, лесные разбойники, только их не бывает. Юна откинула одеяло, под которым оказались ее ноги в штанах – ни одна беспризорница не раздевается на

ночь! – пошла к двери, но потом вспомнила, подошла к окну и открыла его. Ветер ворвался в комнату. Юна поежилась – он был все-таки холодный, несмотря на солнце.

Спустившись по маленькой деревянной лестнице, Юна оказалась в темном коридорчике. Куда дальше идти, она не знала, и наугад толкнула одну из нескольких дверей.

В этой комнате было тоже распахнуто окно и, кроме того, дверь, ведущая на улицу, и ветер гулял по ней совершенно свободно. В комнате никого не было, если не считать здорового дядьки, косматого и бородатого, который сидел на посудном шкафу, почти упираясь головой в потолок. Юна уставилась на него, раскрыв рот. Дядька повернулся к ней.

– Здоров! – рявкнул он. – Держи яблоко! – И швырнул в нее красное яблоко. Шлеп! – в последний момент Юна успела заслонить лицо руками, и яблоко попало ей в ладони. Яблоко было ничего себе.

– Сп... спасибо, – сказала Юна.

В окне появилась голова мальчика лет семи.

– Папаша Маугли, – сказал он заискивающе, тонким голосом. – Ну слазь. Мы больше не будем.

– Чёрта с два! – рявкнул дядька. – Чёрта с два я слезу, будьте вы прокляты! Не вижу тебя в упор.

– Ну Папаша Маугли, – сказал мальчик. – Ты же обещал. Говорю тебе, мы больше не будем. Ну что ты как дурак.

– А ты... ты... – Дядька задохнулся от возмущения. – Иди отсюда, сопля зеленая! – заревел он.

Юна попятилась и задом вышла обратно в коридор, плотно закрыв дверь, и толкая взамен следующую. К счастью, в этой комнате было все нормально; то есть там никого не было, а на столе стояла тарелка и чашка, в тарелке дымилась жареная картошка с грибами, а в чашке – малиновый компот. Не раздумывая долго, Юна села и навернула это дело в две минуты. Она допивала холодный компот, тоненькой струйкой пропуская его сквозь зубы, когда открылась дверь и вошел вчерашний человек с рыжей бородой.

– О, привет, – сказал он.

– Я съела, – объявила Юна, ткнув пальцем в пустую тарелку.

– Правильно сделала, – сказал рыжебородый. – Ну и как?

– Чего – как?

– Да всё.

– Нормально, – сказала Юна с некоторым сомнением. Рыжебородый больше ничего не спросил, он смотрел в окно. Юна тоже молчала, не потому, что ей было нечего спросить, – но выказывать любопытство настоящие беспризорницы считают ниже своего достоинства. Но он, как видно, собирался глядеть в окно до того как борода у него полысеет. Поэтому, кашлянув, Юна наконец сказала независимым голосом:

– Эй, послушай... те. Мне надо домой. В город.

– В город?.. – удивился рыжебородый. Он по-прежнему смотрел в окно.

— Ну да, — сказала Юна. — А что, нельзя? Может быть, еще скажете, что я у вас в плену?

Рыжебородый оторвался от окна и взглянул на беспризорницу Юну.

— Нет, почему же, — сказал он. — Ты прямо сейчас пойдешь? Тогда надо только чтобы я, или кто-нибудь, провел тебя через лес до электрички. Электричкой до города час езды.

— Да? — сказала Юна.

— Вот, правда, лес, — сказал рыжебородый задумчиво. Он опять смотрел в окно.

— А что — лес? — спросила Юна.

— Лес... — рыжебородый качнул бородой, — он, понимаешь... лес. Он может и не пустить...

Юна долго ждала, но так как продолжения не последовало, то она наконец догадалась обернуться и тоже посмотреть в открытое окно.

Она увидела вчерашнюю женщину с длиннющими черными волосами. Женщина стояла в саду и держала ладонь раскрытой. Над ладонью летали птицы. Некоторые присаживались, а некоторые склевывали на лету.

— Извини. — Рыжебородый повернулся к Юне. — Как это она делает, — объяснил он, кивая на окно, — у меня они стряхивают. То ли твердая рука, то ли она их телепатическим путём. Терпению обучает. Так про что ты спрашивала?

— Про лес? — предположила Юна.

— А, ну да, — сказал рыжебородый. — Все нормально с ле-

сом. Я думаю, ты можешь не бояться. Раз уж ты сюда попала... Только, знаешь, я тут только что встретил на речке королеву, она совершала утреннее омовение. Она просила, чтобы ты ее подождала...

– Королеву?.. – спросила Юна.

– Королеву Санту, – рыжебородый кивнул. – Она хочет тебе что-то показать, а может, она хочет, чтобы ты ей что-то показала...

Дверь распахнулась, впуская утреннюю девчонку – только теперь она была одета не в занавеску, а в чьи-то громадные штаны, подпоясанные тем же широким поясом и неоднократно подвернутые снизу, – и с ней была еще одна девчонка, вся кудрявая и кругленькая.

– Юрис! – воскликнула Санта (теперь мы будем называть ее так; почему бы и нет?): – Смотри, это Кондора штаны, красиво, да?

– Очень, королева, – важно отвечал рыжебородый.

– Все, ты свободен, – объявила Санта, – и ты тоже. – Она кивнула кудрявой девчонке на дверь.

– А можно я с вами, королева? – запищала та.

– Еще чего не хватало! – Санта фыркнула. Девчонка, однако, ничуть не обидевшись, спросила:

– А ты представишь нас друг другу? – и уставилась на Юну. Санта фыркнула снова, но все-таки сделала церемонный жест в сторону девчонки:

– Анна-Лидия Вега-Серова. Она маленькая, – сказала

Санта беспризорнице Юне, – оттого у нее и имя такое длинное. Она ничего, только глупая совсем. А ты, я не знаю, как тебя зовут.

– Беспризорница Юна, – сказала беспризорница Юна.

– Ее зовут беспризорница Юна, – сказала Санта кудрявой Анне-Лидии, – слышала? Все, иди отсюда! – Анна-Лидия Вега-Серова вышла вслед за Юрисом, Санта закрыла за ними дверь, повернулась к Юне, прижала палец к губам. – Тихо!.. – некоторое время она стояла, прислушиваясь, потом подошла к Юне. – Они ушли, – сказала она, – я их выгнала, теперь мы вдвоем. Ну вот что, в моем замке есть куча всяких тайн и интересных вещей. Я тебе, может быть, кое-что покажу... если ты только будешь себя хорошо вести.

Юна хмыкнула, откусила яблоко – то самое. Прищурившись, она сказала:

– Очень надо! И никакой это не замок, а просто деревянный дом, и никакая ты не королева, а просто девчонка, дура и воображала!

Санта надулась и отошла.

– Ну и иди отсюда, – сказала она, – иди-иди отсюда, – сказала она, – я же слышала, ты в город свой несчастный собиралась, вот и уходи, и ничего не узнаешь.

Юна откусила еще раз яблоко и осведомилась:

– Под дверью подслушивала?

– Не твое дело! Иди давай, проваливай.

– Ну и провалю. – Юна встала.

– И никогда больше сюда не попадешь, лес тебя не пустит, вот что! – сказала Санта ей в спину. Юна резко повернулась.

– Знаешь что? Если бы ты училась в моей школе, ты бы уже получила по мозгам... шесть раз!

– Это почему? – Санта подошла к ней. – Почему – шесть раз? – спросила она с любопытством.

– Почему-почему, по кочану, вот почему!

Санта вдруг хихикнула.

– Ладно, я тебя прощаю, – сказала она милостиво. – Ты еще молодая, ты еще многого не понимаешь. Ну, чего встала? Давай, одевайся, поехали!

– Это куда еще?

– В город твой вонючий, вот куда!

– Ну, ты, – сказала Юна, – за вонючий...

Санта расхохоталась и выбежала за дверь. Юна постояла на месте, вспомнила про яблоко в руке. Задумчиво откусила так много, что еле в рот влезло, и последовала за ней.

3. Лес и город

Вот так вот все и было; а если бы было не так, было бы по-другому; а я врать не стану.

Эта Санта, она оказалась ничего, нормальная. Хотя Юна, конечно, никогда не называла ее королевой, как другие в этом двор... доме, – вот еще!.. Но в общем она ничего была, Санта, хотя и зазнавалась порой, – но Юна в таких случаях быстро ставила ее на место. Да. Короче, так получилось, что Юна стала жить в этом зам... доме! Они действительно по-

ехали с Сантой в тот, первый день в город, но потом вернулись. Не потому, что Санте там не понравилось – попробовало бы ей там не понравиться! Юна показала Санте все, что она знала в городе, а ведь всем известно, что никто не знает город лучше, чем настоящие беспризорницы, – и Санта пришла в полное восхищение! Но потом им пришлось вернуться, не могла же Юна повести Санту к себе домой, как бы она объяснила маме, откуда взялась эта девочка и почему она не ночует у своих родителей? И потом, если бы Санта начала разговаривать с мамой так, как она разговаривала со всеми, то Юна бы не выдержала и точно набила ей морду. Ну вот, поэтому они вернулись обратно во дво... да дом же, тысяча чертей! – а назавтра снова поехали в город, и напоследок, и Юна показывала Санте тысячи замечательных чудесных безобразий, которые можно было учинить в городе. Потому что Санта, эта воображала, которая только и знала, что твердила Юне: «О! ты еще молодая! ты еще многого не понимаешь!» – на самом деле вообще не знала города, как будто вовсе никогда в нем не бывала! Может она, конечно, ловко притворялась – но зачем ей было притворяться?... Хотя эту Санту вообще было не понять. Они ехали в город в электричке, и Санта болтала что ни попадя всю дорогу:

– Когда я была маленькая, – говорила Санта, – я влюбилась в звезду. Каждую ночь я смотрела на нее из окна, а если на небе были тучи, я плакала всю ночь и засыпала только под утро. Потом я стала писать звезде письма. Я писала их по

ночам. Я писала ей, какая она красивая, как я на нее смотрю, и как я люблю ее и не могу без нее жить, – а утром я опускала письма в почтовый ящик, подписанные: «Самой красивой звезде». Однажды в одном письме я написала звезде, чтобы она приходила ко мне в гости, окошко будет открыто, а если она не придет, я умру. – Тут Санта останавливалась. Юна ей, конечно, не верила, но все-таки спрашивала: – И что? – интересно же было узнать, что она еще наврет.

– Ну, что, – говорила Санта. – Конечно, она пришла. Потом она взяла меня к себе на небо. Небо теплое, как теплая вода, и вокруг звезды. Мы плавали в небе, и все светились, и смотрели на землю. А земля ма-аленькая, и по ней ходили ма-аленькие людишки.

Или еще она говорила:

– Когда я была маленькая, я жила в хрустальной башне, на самом верху. Оттуда было все видно. Вокруг были зеленые поля, а на них росли большие желтые цветы. Там никогда не было зимы. Там была еще река. А папа у меня был король.

– А мама? – спрашивала беспризорница Юна.

– О! – говорила Санта. – Мамы у меня не было никогда. А играла я с драгоценными камушками – диамантами, изумрудами, кораллами, аметистами и... перлами, у меня была целая гора камушков, они все сверкали. Но однажды... однажды я увидела из своей башни людей – они шли через поля и приближались. Раньше я никогда не видела людей, только своего папу и... овечек. У нас было много овечек, раз-

ных, были большие-большие... как башня! А были маленькие, вот такие, их можно было поставить на ладонь, – и Санта показывала, как овечку можно было поставить на ладонь.

– Я только не понимаю, – говорила тогда Юна, хмыкая, – как же твой папа был король, если там не было людей, а только овечки? Что же, он был овечий король, что ли?

– О, – говорила Санта важно, – ты еще молодая. Ты еще многого не понимаешь. Если ты меня будешь перебивать, ты вообще никогда ничего не поймешь. Эти люди, – говорила Санта, – они все приближались. И они стали убивать наших овечек! И тогда мне стало очень страшно. А эти люди, они подошли к башне и стали ее ломать. И башня закачалась. Тогда я взяла бочку. Я поставила ее на окно, и сама встала в нее одной ногой и зажмурилась. И вот я хорошенько оттолкнулась другой ногой – и полетела! И на лету я залезла в бочку вся, и потом бочка упала в реку. Если бы эти люди заметили меня, они бы меня убили, а так – они подумали, просто бочка упала из окна.

– А папа? – спрашивала Юна. – Они убили твоего папу?

– Ты что, с ума сошла? – злилась Санта. – Почему ты все время меня перебиваешь? Ты просто грубиянка, вот ты кто!

– Ты сейчас получишь по мозгам, – обещала Юна.

– Ты сама дура! Они не убили моего папу! Потому что папы в тот день не было дома! У него заблудилась любимая овечка, и он пошел ее искать. А я, я упала в бочке в реку и поплыла по ней, и плыла так долго, что чуть не умерла

за это время. Я даже умерла. Меня, вместе с бочкой, съела огромная речная змея, которая выплывает один раз в сто лет, чтобы подкрепиться.

– Вот тебе и раз, – говорила Юна насмешливо. – Если тебя съела змея, то как же ты сидишь сейчас в электричке?

– Вот тебе и два! – говорила Санта. – Не мешай! Я потом новая выросла. Ну вот, я плыла и плыла по этой реке, сто лет подряд. И вот я попала в лес...

– Все, – говорила Юна, – приехали.

И вот они выходили на вокзале, и тут уже Санта умолкала, и Юна становилась главной, и показывала Санте все, что она знала. И это были всякие тайные переулки, по которым можно пройти с одного проспекта на другой за десять минут, вместо того чтобы полчаса ехать на троллейбусе, и, свернув в такой переулок, можешь быть уверенным, что самая быстрая полицейская машина потеряла тебя навсегда. И всякие замечательные старые дома, в которых никто не живет, и в которых можно семь ночей подряд искать клад, и все равно ничего не найдешь; и всякие подвалы, в которых все время капает вода, и тусклая желтая лампочка почти ничего не освещает, или например новые дома в двенадцать этажей, во внутренних переходах которых можно запросто заблудиться; и они катались на лифтах вверх и вниз, и останавливались между этажами, а всякие толстые дядьки и тетki негодовали и кричали на них и колотили в двери лифта, и Санта хохотала звонко и громко, еще громче, чем Юна. И еще они прохо-

дили в кинотеатры без билета, через задний ход, и смотрели всякие кина. Или, тихонько подойдя к очереди возле магазина, неожиданно прыгали в лужу полурастаявшего снега, смешанного с грязью, и вся очередь начинала орать, как сумасшедшая, отряхивая снег с пальт и плащей, но никто не двигался, боясь упустить свое место, а они стояли в десяти шагах и хохотали, а потом убегали. А потом Санта говорила:

– Зыканско! а теперь давай с тобой поиграем, как будто ты – королева Санта, а я – беспризорница Юна, и я показываю тебе, как можно воровать конфеты в магазинах.

И, надо отдать ей должное, конфеты были превкусные. А потом еще однажды Санта показала Юне, как можно украсть в магазине велосипед, – вот это было да-а, Юна даже не выдержала и похвалила Санту: «из тебя вышла бы настоящая беспризорница». О! велосипед!.. Кому нужен велосипед зимой? – ведь уже была зима, и снег лежал в городе и в лесу, и в лесу гораздо больше, чем в городе, потому что в городе все топчут снег, и машины ездят, а вот, выходя из электрички, когда она уедет дальше, и станет совсем тихо, ты стой немного и посмотри на огромное белое поле, на дальнем краю которого начинается лес. И вот, тогда тебе покажется, что города просто нет, и не было никогда, – особенно если электричка уже уехала. И, когда тебе так покажется, ты сойди с платформы и вступи в снег. И иди напрямик, проваливаясь по колено, через поле, к лесу – здесь нет тропинок. И слушай свое дыхание, и смотри звезды, и чувствуй

воздух, обжигающий лицо. В лесу водятся волки, дикие кабаны и всякие страхи, но тыходишь в него и идешь, потому что другой дороги к дому нет. Ты помнишь, как дойти до дома. Это очень просто. Нужно идти, пока можешь, – и еще немножко. И ты выйдешь. Большой черный пёс Толет ткнется ртом в твою руку и отойдет к своей кобуре, а ты подходишь к двери, и толкаешь ее, и попадаешь в тепло и хорошо. И это всякий раз – как в первый раз.

Юна уже совсем привыкла к дому, и к людям, которые в нем жили, ей казалось, что это и вправду всё нормально. Хотя, конечно, трон например – разве это нормально? Он был настоящий, и та самая большая комната, в которой не было стульев и всегда было открыто одно окно – она называлась тронным залом. По вечерам все обычно собирались там, и сидели в темноте, кто где, а Юна сидела там, где она села в первый раз. А Санта – она сидела на троне! Нет, я неправду сказала, что Юне казалось все нормально; она подолгу смотрела на Санту, когда та сидела на троне, а Санта ни разу не взглянула на Юну в это время, она сидела так неподвижно, как только можно – как будто это не она недавно показывала Юне, как крадут велосипед в магазине!.. И надо признать, что Юну это злило до невозможности, но все молчали, и Юна тоже как-то не находилась, что сказать; зато потом, когда наступал день и они с Сантой ехали в электричке, Юна обзывала ее всячески, «королева – хвост налево», и еще по-разному, и тогда уже Санта злилась и ругалась с Юной, и

опять было все нормально. Но потом опять наступал вечер, и все сидели в тронном зале, в тишине и темноте, и воздух дрожал за открытым окном, и мороз заглядывал в зал, но входить остерегался – печка! Печку всегда топила дона Бетта, и Юна смотрела на ее длинные черные волосы – такие длинные, каких просто не бывает! – а дона Бетта смотрела в огонь, а огонь плясал за открытой дверцей, и отблески его падали на ее лицо, все время меняя его, – иногда Юне казалось, что дона Бетта – просто девчонка, такая же, как Санта, и тут – раз! – и Юне даже холодно становилось, потому что она вдруг понимала, что доне Бетте очень много лет, больше, чем даже фрейлине Марте... триста!.. Но может это просто казалось, а так вообще всё было нормально, и никто никогда не приставал к Юне, чтоб она, например, мыла руки перед едой. Или ходила в школу, да и вообще, трудно себе вообразить что-нибудь более ненормальное, чем ходить в школу, так что точно в этом доме было нормально. Например, та комната наверху, в которой Юна спала первую ночь – теперь это как-то сама собой стала ее комната, и Юна чувствовала себя в ней ничуть не хуже, чем в своей комнате в городе, даже может и лучше, потому что там она теперь редко бывала.

Вот какие еще люди жили в этом доме. Во-первых, конечно, Юрис Рыжебородый, про которого Санта говорила, что он ее рыцарь. Юрис Рыжебородый был ужасно умный – как сто учителей! – он читал такие особенные толстые книги, Юна раз в одну заглянула – ничего не поняла! Но, несмот-

ря на это, он был нормальный, веселый (если только не разговаривал с Сантой), и всегда объяснял, если Юна что спрашивала. Потом, Кондор. У Кондора была козлиная борода, волосы, связанные в маленький хвостик на затылке, джинсовая панама и трубка. Кондор забивал в трубку всякие травы, которые он с графом де Биллом собирал летом в лесу, и курил их. Ароматный дым полз по тронному залу, поднимался кольцами, вился змеями и вытекал в окно. Однажды беспризорница Юна попросила попробовать. Кондор дал ей трубку, и Юна после того кашляла три с половиной часа. Лучше уж пить чай, который заваривался тоже из всяких трав, а дым просто нюхать. Еще фрейлина Марта, в тронном зале она всегда сидела у открытого окна. Юна знала, что, кроме того, летом, когда вишни, фрейлина Марта может рвать их прямо с этих веток, которые росли в зал. А всем остальным пришлось бы выйти в сад. Это у фрейлины Марты была такая привилегия. Юна точно не знала, что такое привилегия, но ей казалось, что здесь какая-то связь с вилами, которые вместе с топорами и всяческими ухватами стояли все в кухне, хотя по большей части фрейлина Марта орудовала из них всех вениками. Еще был, конечно, Папаша Маугли, он был с детьми. Детей звали Иван, Мария, Егор и Вета, а Папаша Маугли был сам такой, как эти дети, хотя он был такой здоровенный дядька, и голос у него был – закачаешься, и никогда было не понятно, чего от него ожидать; но зато он был очень сильный и знал кучу всяких приемов, и Юна часто с

ним дралась по утрам для разминки – не всерьез, конечно, а так. Ну вот, и еще граф де Билл, который уходил в лес с одним топором и спальным мешком, и его не было по несколько дней, а потом он приходил в замок на несколько дней, и опять уходил, этот граф де Билл; он был похож на старшего брата беспризорницы Юны, если бы он у нее был. И Анна-Лидия Вега-Серова, про которую и говорить нечего, потому что она была младше Юны на целый год и настоящая дура. Правда, Санта говорила, что она просто еще маленькая – но Санта вообще много чего говорила, и если Юна в своей нелюбви к девчонкам сделала для нее эту... привилегию, так это вовсе не означает, что теперь она обязана любить всех подряд. Все; больше никого там не было? Еще пёс, его звали Толет – но Толет в дом никогда не заходил: не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.